

УДК 398.89

DOI: 10.35330/1991-6639-2024-26-4-164-174

EDN: YRDZWZ

Научная статья

Вклад Кайсына Кулиева в популяризацию карачаево-балкарских историко-героических песен

Б. А. Берберов

Институт гуманитарных исследований –
филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук
360000, Россия, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Аннотация. Статья представляет собой анализ полифонической деятельности Кайсына Кулиева, в которой важное место всегда занимала наука о национальном фольклоре. Предметом исследования является цикл карачаево-балкарских историко-героических песен, вошедших во всесоюзный сборник «Песни народов Северного Кавказа» (1976) после изыскательской, атрибутивной, переводческой, комментаторской и аналитической работы поэта. Многомерный литературоведческий анализ представленных текстов подтверждает не только талант и художественное мастерство безымянных сказителей, но и тонкий эстетический вкус Кайсына Кулиева, который из всей толщи устного народного творчества выбрал 12 самых совершенных образцов и обеспечил их выход в свет.

Ключевые слова: Северный Кавказ, фольклор, историко-героические песни, Кайсын Кулиев, анализ, перевод, комментарий, историческая поэтика

Поступила 08.07.2024, одобрена после рецензирования 01.08.2024, принята к публикации 06.08.2024

Для цитирования. Берберов Б. А. Вклад Кайсына Кулиева в популяризацию карачаево-балкарских историко-героических песен // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2024. Т. 26. № 4. С. 164–174. DOI: 10.35330/1991-6639-2024-26-4-164-174

Original article

Kaisyn Kuliev's contribution to popularization of Karachay-Balkar historical-heroic songs

B.A. Berberov

Institute of Humanitarian Researches –
branch of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
360000, Russia, Nalchik, 18 Pushkin street

Abstract. The article is an analysis of the polyphonic activity of Kaisyn Kuliev, in which the science of national folklore always had a prominent place. The subject of the study is the cycle of Karachay-Balkar historical and heroic songs, which were included in the all-Union collection «Songs of the Peoples of the North Caucasus» (1976) after the poet's research, attribution, translation, commentary and analytical work. A multidimensional literary analysis of the presented texts confirms not only the talent and artistic skill of the nameless storytellers, but also the subtle aesthetic taste of Kaisyn Kuliev, who selected 12 of the most perfect samples from the entire number of oral folk art and ensured their publication.

Keywords: North Caucasus, folklore, historical-heroic songs, Kaisyn Kuliev, analysis, translation, commentary, historical poetics

Submitted 08.07.2024,

approved after reviewing 01.08.2024,

accepted for publication 06.08.2024

For citation. Berberov B.A. Kaisyn Kuliev's contribution to popularization of Karachay-Balkar historical-heroic songs. *News of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS.* 2024. Vol. 26. No. 4. Pp. 164–174. DOI: 10.35330/1991-6639-2024-26-4-164-174

Кайсын Кулиев (1917–1985) как истинный просветитель никогда не ограничивался только художественным творчеством. Его интересовали все сферы национальной культуры, включая театральное искусство, образование, живопись, музыку, критику, литературоведение, фольклористику.

В данной статье лишь на примере историко-героических песен рассмотрим, как поэт плавно, методично и целенаправленно вводил в мировой культурный оборот лучшие образцы карачаево-балкарского и, шире, северокавказского фольклора.

Цель – в системной форме воспроизвести многовекторную работу К. Ш. Кулиева по презентации горских эпических песен широкому кругу заинтересованных лиц. Достижение данной цели предполагает решение следующих **задач**: выявить корни кулиевского интереса к фольклорным произведениям; воссоздать хронологию публикаций по указанной теме; дать общую оценку фольклороведческой работе балкарского поэта. У автора настоящей статьи уже имеется определенный задел по научному **кайсыноведению** [1–5], здесь же главная задача заключается в объективизации вклада Кулиева в национальную фольклористику.

Как справедливо отмечает М. З. Улаков, «Кайсын Шуваевич хорошо знал язык фольклора и фольклорные традиции, много занимался в архивах и часто общался с известными сказителями Балкарии и Карачая. Он отмечал, что специалист, плохо знающий фольклор, не может быть успешным филологом и писателем, вообще – творческим человеком» [6, с. 125].

Методика исследования. Для решения поставленных задач в работе привлечен ряд дополняющих друг друга методов исследования – культурно-исторический, аксиологический и семиотический. Использовались также логические принципы анализа – классификация, типология, обобщение.

Высокую оценку балкарскому песенному искусству дает Н. Г. Джусойты, подчеркивая, что «кто не глух сердцем, навсегда запомнит и песни балкарцев, и поэзию балкарскую» [7, с. 431]. О народной песне Кайсын Кулиев пишет в самом начале собственной автобиографии: «Я любил петь с детства, жил в атмосфере народной песни и сказки. Пели чабаны, косари, каменотесы, всадники в пути, девушки, копающие огород. Я был маленьким ашугом, пел своим товарищам и взрослым девушкам, да на свадьбах тамада, усадив меня рядом с собой, просил петь. И теперь, когда я знаком с образцами мировой поэзии, все равно народная лирика остается для меня дорогой и непостижимо прекрасной. Думаю, что она дала мне много. Создателей многих горских песен считаю великими безымянными поэтами» [8, с. 436].

В 1971 г. балкарский поэт написал статью «Песни горцев», которая по охвату художественных текстов, логической упорядоченности материала, продуманности научной концепции может быть приравнена к небольшой диссертационной работе. В ней К. Ш. Кулиев исследует целый ряд вопросов, касающихся типологической общности фольклорных произведений «абазинцев, адыгейцев, балкарцев, ингушей, кабардинцев, калмыков, кара-

чаевцев, черкесов, чеченцев», которые на самом деле являются «народами-соседями», «народами-братьями» [9, с. 296].

Более того, мастер проводит параллели между северокавказскими и зарубежными эпическими сказаниями и «Гомеровой Одиссеей» [9, с. 297]. Судя по анализируемой статье, Кулиев одним из первых предложил и научно аргументированную жанровую классификацию карачаево-балкарской фольклорной поэзии, выделив в ней колыбельные, трудовые, бытовые, любовные, шуточные, исторические и героические песни. «Не существует этноса без песен. Однако при этом в каждой национальной культуре за прошедшие тысячелетия-столетия сложилась своя уникальная система песенных жанров, ядро которой, как правило, составляет некая «универсальная классика», а периферийную зону – этномаркированные жанровые образования, обусловленные событиями локальной истории, географическим фактором, «космо-психо-логосом» народа» [10, с. 69].

Проведенный нами антропоцентрический анализ показывает, что в аксиологической системе поэта ведущее место занимает не просто абстрактный человек, но актант, деятель, который использует максимум своих физических, интеллектуальных и духовных сил для развития социального прогресса, перехода человечества на качественно новый уровень. Именно по этой причине автор часто своих героев нарекает именами собственными – Мажир, Салих, Ибрагим, Зухура, Лейла, Пушкин, Джульетта, Николай Тихонов, Керим Отаров, Салих Хочуев, Шекспир, Гамлет, Дон-Кихот. Автор убежден, что народ должен знать своих героев. При этом неважен социальный статус, важен вклад данной личности в процесс эволюционного или революционного развития общества. Антропонимом он может обозначить садовника, влюбленного юношу, слепого мудреца, крестьянина, каменщика, учителя. Самым ярким тому примером является лиро-эпический цикл поэта «Мои соседи» («*Хониуларым*»), состоящий из девяти последовательно изображенных художественных портретов: «Жена мельника Аминат» («*Тирменчини къатыны Аминат*»), «Кузнец Карабаш» («*Темирчи Къарабаши*»), «Певец Исмаил» («*Жырчы Исмайыл*»), «Слепой столяр Кайсын» («*Сокъур уста Къайсын*»), «Бригадир Соллоу» («*Бригадир Соллоу*»), «Сапожник Мухаммад» («*Чурукъчу Мухаммад*»), «Фельдшер Петр Иванович» («*Фельдшер Петр Иванович*»), «Зурнач Хажос» («*Сырыначы Хажос*»), «Учитель Борис Игнатьевич» («*Устас Борис Игнатьевич*») [11, с. 79–90].

Как явление закономерного порядка следует отметить попытки раннего Кулиева освоить жанр историко-героической песни. При этом, по справедливому утверждению Н. Г. Джусойты, для большинства северокавказских авторов «фольклорное искусство было лишь тем рубежом, с которого они начинали свое восхождение к вершинам индивидуально-профессиональной традиции творчества, достигшей к тому времени в развитых литературах небывалого расцвета» [12, с. 114]. В 1930–1940 гг. балкарский поэт создает «микропоэмы», посвященные героям Гражданской войны Хаджи-Мурату Асанову и Ибрагиму Энееву; летчику Валерию Чкалову, покорившему Северный полюс; герою Соцтруда Алексею Стаханову; русскому революционеру Сергею Кирову и др. Думается, для Кулиева важно было запечатлеть в художественной форме важные моменты отечественной истории и живые портреты своих выдающихся современников, которые служили бы образцом для подражания. Узнаваема в кулиевских эпических текстах и поэтика нартских сказаний, проявляющаяся в выборке лексики, эпитетов, метафор, антитез и гипербола. К примеру, вот характерное для нартского эпоса обращение-зачин, с которого начинается кулиевская песня «О Хаджимурате Асанове» («*Асанланы Хаджи-Муратха*»):

Эсибизге тюшюреик, аланла,
 Эм эскереик биз аны,
 Граждан урушда батыр урушхан
 Жигитибизни, тулпарны.
 Ол бизни жигит жашыбыз эди,
 Отдан, окъдан кёз кысмагъан,
 Ол халкъны батыр баласы эди,
 Азатлыкъ ючюн урушхан.
 [13, с. 81.]

Эй, аланы, давайте вспомним,
 Помянем, поговорим о нем,
 О герое гражданской войны,
 Храбром богатыре, силаче.
 Это был наш славный джигит,
 Который не зажмурился от огня и пуль.
 Он был славным сыном своего народа,
 Борцом за свободу.

(Подстрочный пер. автора статьи).

В соответствии с художественными традициями нартского эпоса поэт для характеристики эпических героев часто прибегает к таким зооморфным образам, как «орел», «сокол», «лев», «крылатый конь».

«Звездным» для северокавказской фольклористики можно назвать 1976 г., когда во Всесоюзной серии «Библиотека поэта», основанной М. Горьким, вышел сборник «Песни народов Северного Кавказа» [14]. В роли главных издательских координаторов и экспертов выступили два выдающихся кавказоведа – поэт Кайсын Кулиев (Кабардино-Балкария) и литературовед Нафи Джусойты (Южная Осетия). Авторами аннотации отмечается, что «в сборнике представлены в переводе на русский язык лучшие образцы песенного творчества народов Северного Кавказа: абазинские, адыгские (адыгейские, кабардинские, черкесские), балкаро-карачаевские, ингушские, калмыцкие, ногайские, осетинские, чеченские песни» [14, с. 4].

Художественной части названного сборника предпослана обширная вводная статья аналитического характера, написанная К.Ш. Кулиевым и Н.Г. Джусойты. Авторы справедливо отмечают, что несмотря на конгломерацию разных языков, вероисповеданий и художественных традиций (калмыки – буддисты, осетины – христиане, остальные – мусульмане), во всех «песнях народов гор и степей Кавказа» [14, с. 5] воспевается «отвага людей, способных всем пожертвовать, защищая свободу родного края, свою честь и национальное достоинство народа» [14, с. 17]. И другая важная мысль: «Благородство в отношениях с людьми, даже с врагами, было непременной чертой нравственного кодекса рыцаря гор, делом чести, а не простым велением традиции, а в вопросах чести горец был крайне щепетильным» [14, с. 19].

Сказанное находит полновесное подтверждение в фольклорных текстах. В карачаево-балкарский раздел указанного сборника вошли следующие историко-героические произведения: «Песня о Хасане», «Песня о Канамате», «Песня о Бий-Негере», «Песня про Атабия», «Песня Бек-Болат», «Гапалау», «Песня солдат японской войны», «Песня о солдатах, погибших на войне с турками», «Песня освобождения», «Партизанская песня», «Бой в ущелье Сукан», «Песня пяти горских парней» [14, с. 548]. Смеем предположить, что при выборке релевантных текстов К. Ш. Кулиев руководствовался двумя основными критериями: художественное мастерство безымянного автора и максимально полная степень отраженности в представленных текстах различных исторических периодов, пережитых карачаевцами и балкарцами.

Сразу следует сказать о русских переводах песен. Все они представлены в переложении на очень качественный русский язык. Сейчас уже сложно восстановить историю перевода каждой песни, но можно предположить, что самим Кайсыном Кулиевым были подготовлены подстрочники, которые затем до блеска отшлифовывались ярчайшим представителем советской переводческой школы Гарольдом Габриэльевичем Регистаном (1924–1999).

Нелишним будет напомнить и то, что он является сыном Габриэля Аркадьевича Эль-Регистана, который в соавторстве с А. В. Александровым и С. В. Михалковым в свое время написал текст знаменитого гимна Советского Союза. Думается, К. Ш. Кулиев и Г. Г. Регистан как двое выпускников Литературного института не только сохраняли дружеские отношения, но и образовали продуктивный творческий союз, ориентированный на результативные и оригинальные художественные проекты. На титульном листе всего сборника «Песни народов Северного Кавказа» обозначено: «Редакция поэтических переводов Г. Регистана» [14, с. 3].

Далее проследим творческую судьбу каждой из 12 песен, вошедших в сборник. «*Песня о Хасане*» [14, с. 151] – так называется первая из историко-героических песен. Как следует из комментариев, текст взят из репертуара выдающегося балкарского исполнителя Омара Отарова (1916–2002). Фамилия героя-протагониста не указывается, но в нем угадывается архетипический образ «горского Робин Гуда» – народного заступника, который защищал простолюдинов от социальных притеснений. По тональности текст можно назвать синтетическим, поскольку в первой его части доминируют элементы оды (высокое дерево, отара сытая, шапка на макушке), а во второй – признаки песни-плача (ты – один, а кругом враги, срубит головушку непокорную, беда). Оригинальную сторону песенного текста составляет использование амебейной композиции, где образ «ивового дерева на горе» соотносится с судьбой самоотверженного джигита.

Отличительной чертой следующей песни («*Песня о Канамате*») [14, с. 152] является подчеркнутая историческая конкретика, поддерживаемая топонимами (Карачай, Россия, Морх), многоперсонажностью (Канамат, князя, стражники, царь, Хажи-Бекир, писарь, его жена, мать героя), документальным характером описываемого происшествия. В песне воспроизводится драматическая история абрека Канамата, который после восьмилетнего протестного скитания в горах решил социализироваться законным путем через официальное прошение Российскому государю. Но его благим намерениям не суждено было сбыться: вероломный писарь, обещавший составить необходимый документ, тайком вызвал полицейских стражников, которые расстреляли героя на глазах аульчан.

Главным объектом критики в данной песне является писарь-грамотей, который нарушил освященный кавказскими обычаями принцип гостеприимства, согласно которому даже враг должен стать подзащитным для своего хозяина. Вот как в анализируемой песне изображается лицемерие писаря Хажи-Бекира:

Сам хозяин вино наливал,
Ублажал их – продажный пес,
Клялся в дружбе, Коран целовал –
И тихонько кинжалы унес.
[14, с. 152].

В мировом фольклоре нередки случаи появления межжанровых «дочерних» произведений от текста-предшественника. Не является исключением и карачаево-балкарский фольклор, где от народной лиро-эпической поэмы «Бий-Негер» отпочковалась небольшая по объему историко-героическая «*Песня о Бий-Негере*» [14, 153], состоящая из 12 рифмованных двустушии.

По сюжету у Бий-Негера смертельно заболел любимый брат, и местный лекарь объявил, что его можно вылечить только свежим молоком горного марала. По совету старших Бий-Негер обращается к родному дяде с просьбой одолжить ему свою охотничью собаку. Когда жадный родственник его не поддержал, Бий-Негер без всякого сопровождения, в

одиначку, отправился в горы. Он долго карабкался по скалам, пробирался сквозь вечные льдины альпийских высот, расшифровывал следы диких животных, но в результате «по воле злой природы» попал в горно-каменную западню, откуда путь к дому был отрезан. В морально-дидактической концовке песни содержатся две важные философские идеи, связанные с родоплеменной солидарностью и поэтизацией здорового альтруизма.

«Вредным обычаем, сделавшимся необходимостью» [15] иностранные путешественники называли северокавказский институт кровной мести. В целом народы старались жить мирно, было придумано множество «социальных громоотводов» для предотвращения конфликтов. И все же они случались. Одна из таких коллизий описывается в «*Песне про Атабия*» [14, с. 154]. Конкретно-событийный смысл текста сводится к тому, что у слепого старца Атабия были две красивые дочери. Сын местного князя по своей прихоти сначала «присвоил» их себе, а затем отправил на невольничий рынок, фактически в заморское рабство. Душа старца не могла вынести столь вопиющей несправедливости. С божьей помощью Атабий нашел уголь и железо, заказал кузнецу острый меч, которым был сражен злодей. Код «слепоты» имеет важное философское значение в песне: потеря способности видеть предметы материального мира развивает в герое колоссальный дар прозревать значимость духовно-нравственных законов, отличать должное от недолжного. В целом философская идея анализируемой песни сводится к тому, что есть аксиологемы-абсолюты, которые ни в коем случае нельзя предавать. Даже ценой жизни они должны быть защищены от произвола отдельных нелюдей. Не зря на «безымянной могиле» героя

Бедняки эту песню сложили
В день печальный, когда поминали его.

[14, с. 156].

Сходная философская идея определяет содержание пятой по счету песни из кулиевской подборки под названием «*Песня Бек-Болат*» [14, 156]. Как явствует из раздела «Научные комментарии», в селении Верхний Хулам долгие годы бесчинствовал один из горских князей, против которого восстал герой-одиначка Бек-Болат Махиев. В песне указываются два основных прегрешения князя: он не допускал простолюдинов к горному роднику и утвердил для себя «право первой ночи» [14, с. 510], оскорбляющее честь и достоинство молодоженов. Социальная справедливость в высокогорном Хуламе была восстановлена благодаря Бек-Болату, который заманил аморального князя на горный склон и лишил его жизни.

Песня исполнена в одической форме, исполняется от имени главного героя. Многочисленными восклицаниями «*хойра!*», «*ой!*», «*эй!*», риторическими вопросами, частицами «ни», «не», эпитетами «*горячая пуля*», «*заветный час*», «*кровавые следы*», «*раздробленные плечи*», внутренними рифмами «*спешил – прошил*», «*взял – отнял*», «*ждал – догнал*», антонимами «*было – стало*», «*раньше и теперь*», «*ранее и нынче*» безымянный автор подчеркивает переход горцев на качественно новый уровень бытия и их ликование по этому поводу.

«*Гапалау*» [14, с. 157] – одна из самых популярных историко-героических песен в караево-балкарском устном народном творчестве. Как указывается в научных комментариях к сборнику, текст этой песни был записан «в 1958 г. в сел. Нижний Чегем К. Кулиевым от Жанмурзы» [14, с. 511]. По тональности текст представляет собой синтез элементов элегического и величального жанров. В самом начале рассказывается о сиротской судьбе маленького горца с обостренным чувством социальной справедливости. Каждая строфа завершается рефреном «*Храбрецом рожденный Гапалау*». Свою миссию молодой, физически сильный человек видел в защите интересов простого народа от притеснений эксплуа-

таторов. Девизом его жизни были слова «Бедняков – не обижать!». В элегической части песни рассказывается о том, как в результате коварного заговора на смельчака разом напали девять врагов с обнаженными кинжалами. Герой ушел из жизни по-геройски:

Как скала стоял лишенный сил,
 Девять раз пронзенный Гапалау,
 Не упал, пока не отомстил
 Храбрецом рожденный Гапалау.
 [14, с. 158].

Региональная фольклористика знает много случаев, когда песня, сочиненная профессиональным литератором, «уходит в массы», начинает считаться народной. Именно такая метаморфоза произошла с «*Песней солдат японской войны*» [14, с. 158], которая, судя по научным комментариям, «принадлежит перу поэта С. Шахмурзаева (1886–1974), но она так давно стала народной, что печаталась всегда только как народная песня» [14, с. 511]. Композиционное построение песенного текста определяется принципом двоemiрия: постоянно сравниваются горы Порт-Артура и горы Кавказа, чужая страна и родина, жизнь и смерть. Дается описание и батальных сцен – «*летят японские снаряды*», «*нас бросили, безгрешных, в ад*», «*гудит земля, снаряды рвутся*», «*мы ладим саваны друзьям*». Песня пронизана антивоенным настроением, особенно остро выраженным в финале, где на передний план выходят образы женщин:

Горянок слезы – не вода,
 Но их поток течет рекою,
 Коль притечет она сюда,
 Всех нас накроет с головою.
 [14, с. 159].

Знаком противоречия отмечена творческая судьба «*Песни о солдатах, погибших на войне с турками*» [14, с. 159], на которую обратил внимание К. Кулиев как автор комментария. Касаясь заголовка, он уточняет, что «по тексту не совсем ясно, о какой войне идет речь, но скорее всего о первой мировой, так как в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. балкарцы и карачаевцы не участвовали» [14, с. 511].

Песня состоит из 11 пятистрочных строф. Первую часть песни можно назвать «обзорной», поскольку в ней дается общая характеристика военного времени, социальных тягот, проблем внезапной мобилизации:

Ой, в солдаты многих, говорят,
 Брали из Большого Карачая.
 [14, с. 159].

Во второй, «субъектной», части крупным планом описывается трагическая судьба молодого кавказского горца Хажы-Али, погибающего «*на чужой земле в помятом жите*» [14, с. 160]. Последними словами смертельно раненого бойца была просьба передать привет его любимой жене Даумхан и малолетним осиротевшим сыновьям.

События, связанные с Гражданской войной в начале XX столетия, также оставили свой глубокий след в карачаево-балкарской песенной культуре. По решению Кайсына Кулиева в сборник «*Песни народов Северного Кавказа*» включены три историко-героические народные песни, сочиненные карачаевцами и балкарцами. Это «*Песня освобождения*»

[14, с. 161], «*Партизанская песня*» [14, с. 161], «*Бой в ущелье Сукан*» [14, с. 162]. О приметах военного времени, о характере социально-политического противостояния говорят соответствующие идеологемы: «*большевики*», «*меньшевики*», «*бедняки*» «*богатые*», «*Ленин*», «*Серебряков*», «*партизанский отряд*», «*бандиты*», «*беляки*», «*Советская власть*». Все тексты написаны в рамках социалистического реализма, но это не мешает читателю (слушателю) песен увидеть и многие детали этнокультурного характера, связанные с особенностями горного ландшафта, предметами материальной культуры и национальным менталитетом.

Замыкает большую подборку «*Песня пяти горских парней*» [14, с. 164], посвященная событиям Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., которая всеми народами Советского Союза расценивалась как священная, освободительная, антифашистская. При знакомстве с песней складывается впечатление, что ее структурно-содержательным ядром является число «пять», отягощенное сразу несколькими важными символическими значениями. Прежде всего, в «пятерке» прочитывается информация о пяти исторически и географически сложившихся ущельях Балкарии, каждое из которых отправило на войну максимально возможное количество мужского населения. Во-вторых, под числом «пять» подразумевается пятиконечная звезда, ставшая символом единого и нерушимого Советского Союза, объединившего множество народов, языков, культур. И, наконец, согласно «Словарю символов» «пять» – это антропоцентрическое число, «число Человека, рассматриваемого в качестве посредника между Богом и Вселенной. Суть в том, что человеческая фигура вписывается в пентаграмму, так как голова властвует над четырьмя частями тела, как дух повелевает четырьмя стихиями» [16, с. 327]. Из этого проистекает идея личной ответственности человека за каждый шаг всемирной истории. Как справедливо отмечает кумыкский фольклорист А. М. Аджиев, такого рода песни означают «становление дифференцированного взгляда на историю и конкретно-исторического отражения действительности вместо обобщенно-мифологического, характерного для героического эпоса» [17, с. 69].

На основании исследованного материала можно сделать вывод, что в 1976 г. благодаря Кайсыну Кулиеву в научно-культурный оборот был введен солидный цикл карачаево-балкарских историко-героических песен, опубликованных в сборнике «Песни народов Северного Кавказа». Балкарским поэтом при самой активной поддержке осетинского писателя и литературоведа Н. Г. Джусойты был решен целый ряд культурологических задач, связанных с выборкой, атрибуцией и художественным переводом искомых фольклорных текстов, а также составлением к ним соответствующих научных комментариев. В настоящее время названный сборник оцифрован, и количество его читателей имеет выраженную тенденцию к заметному росту.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берберов Б. А. Кулиев Кайсын Шуваевич. Писатели Кабардино-Балкарии (XIX – конец 80-х гг. XX в.). Библиографический словарь. Нальчик: Эль-Фа, 2003. С. 245–250.
2. Берберов Б. А. Тема депортации и возрождения балкарского народа в поэтическом наследии Кайсына Кулиева // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук. 2003. № 10. С. 110–128.
3. Берберов Б. А. Карачаевские страницы в творчестве Кайсына Кулиева (на материале лирического цикла «Слова любви Карачаю» // Национальные литературы и национальное литературоведение. Сто лет пути. Материалы Всероссийской научной конференции,

посвященной 95-летию первого карачаевского профессионального ученого-литературоведа Асият Исмаиловны Караевой. Карачаевск: КЧГУ, 2017. С. 57–62.

4. Берберов Б. А., Муртазова З. А. Горский идеал женственности в художественной трактовке К. Кулиева и Т. Зумакуловой // Творчество Кайсына Кулиева в контексте мировой художественной культуры. Сборник научных статей. Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. С. 36–40.

5. Берберов Б. А., Эристаева Дж. Х. «Киргизский цикл» Кайсына Кулиева как знак межэтнической коммуникации // Творчество Кайсына Кулиева в контексте мировой художественной культуры. Сборник научных статей. Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. С. 32–35.

6. Улаков М. З. Кайсын Кулиев и современный карачаево-балкарский язык // Journal of Endangered Languages. 2021. Т. 11. № 18. С. 124–130. EDN: VPKHLLT

7. Джусойты Н. Г. Балкарские песни // Книга друзей и наставников. Литературно-критические статьи. Владикавказ: Орион, 2011. С. 430–431.

8. Кулиев К. Ш. Так растет и дерево: Статьи, эссе. М.: Советский писатель, 1974.

9. Кулиев К. Ш. Поэт всегда с людьми: Статьи, эссе. М.: Советский писатель, 1986.

10. Берберов Б. А. Именной сборник Омара Отарова в историко-культурном контексте карачаево-балкарского песенного фольклора // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2023. № 3(113). С. 68–82. DOI: 10.35330/1991-6639-2023-3-113-68-82

11. Кулиев К. Ш. Мои соседи (*Хониуларым*). Собрание сочинений в 3-х томах (*на балкарском языке*). Том I. Нальчик: Эльбрус, 1981. С. 79–90.

12. Джусойты Н. Г. Шаги от фольклора // Книга друзей и наставников: Литературно-критические статьи. Владикавказ: Орион, 2011. С. 102–118.

13. Кулиев К. Ш. Салам, эртденлик (*Привет, утро*). Нальчик: Кабардино-Балкарское государственное книжное издательство, 1940. 304 с.

14. Песни народов Северного Кавказа // Вступительная статья, составление и примечания К. Кулиева и Н. Джусойты. Редакция поэтических переводов Г. Регистана. Ленинград: Советский писатель, 1976. 560 с.

15. Рейнеггс Якоб. Общее историко-топографическое описание Кавказа // [<https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XVIII/1760-1780/Reineggs/text2.htm>]

16. Жюльен Н. Словарь символов. Иллюстрированный справочник / Перевод с французского Станислава Каюмова, Илоны Устьянцевой. Челябинск: Урал LTD, 1999. 512 с.

17. Аджиев А. М. Устное народное творчество кумыков. Махачкала, 2005. 428 с.

REFERENCES

1. Berberov B.A. *Kuliev Kaisyn Shuvaevich. Pisateli Kabardino-Balkarii (XIX – konec 80-h gg. XX v.)*. [Kuliev Kaisyn Shuvaevich. Writers of Kabardino-Balkaria (XIX-late 80s of XX century)]. Bibliograficheskiy slovar'. Nal'chik: El'-Fa, 2003. Pp. 245–250. (In Russian)

2. Berberov B.A. *Tema deportacii i vozrozhdeniya balkarskogo naroda v poyeticheskom nasledii Kaisyna Kulieva* [The theme of deportation and revival of the Balkar people in the poetic heritage of Kaisyn Kuliev]. *Vestnik Instituta gumanitarnyh issledovaniy Pravitel'stva Kabardino-Balkarskoy Respubliki i Kabardino-Balkarskogo Nauchnogo centra Rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of the Institute for Humanitarian Research of the Government of the Kabardino-Balkarian Republic and the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2003. No. 10. Pp. 110–128. (In Russian)

3. Berberov B.A. *Karachaevskie stranicy v tvorchestve Kaisyna Kulieva (na materiale liricheskogo cikla «Slova lyubvi Karachayu»* [Karachay pages in the works of Kaisyn Kuliev (based on the lyrical cycle "Words of Love to Karachay)]. *Nacional'nye literatury i nacional'noe literaturovedenie. Sto let puti. Materialy Vserossiiskoy nauchnoy konferencii, posvyashhennoy 95-letiyu pervogo karachaevskogo professional'nogo uchenogo-literaturoveda Asiyat Ismailovny Karaevoy* [National literatures and national literary criticism. A hundred years of journey. Materials of the All-Russian scientific conference dedicated to the 95th anniversary of the first Karachay professional literary scholar – Asiyat Ismailovna Karaeva]. 2017. Pp. 57–62. (In Russian)

4. Berberov B.A., Murtazova Z.A. *Gorskiy ideal zhenstvennosti v hudozhestvennoy traktovke K. Kulieva i T. Zumakulovoy* [The highland ideal of femininity in the artistic interpretation of K. Kuliev and T. Zumakulova]. *Tvorchestvo Kaisyna Kulieva v kontekste mirovoy hudozhestvennoy kul'tury. Sbornik nauchnykh statey* [The work of Kaisyn Kuliev in the context of world artistic culture. Collection of scientific articles]. Nal'chik: Redakcionno-izdatel'skiy otdel IGI KBNC RAN, 2018. Pp. 36–40. (In Russian)

5. Berberov B.A., Eeristaeva Dzh.Kh. *«Kirgizskiy tsikl» Kaisyna Kulieva kak znak mezhetnicheskoy kommunikatsii* [“Kyrgyz cycle” by Kaisyn Kuliev as a sign of interethnic communication]. *Tvorchestvo Kaisyna Kulieva v kontekste mirovoy hudozhestvennoy kul'tury. Sbornik nauchnykh statey* [The work of Kaisyn Kuliev in the context of world artistic culture. Collection of scientific articles]. Nal'chik: Redakcionno-izdatel'skiy otdel IGI KBNC RAN, 2018. Pp. 32–35. (In Russian)

6. Ulakov M.Z. *Kaisyn Kuliev i sovremennyy karachaevo-balkarskiy yazyk* [Kaisyn Kuliev and the modern Karachay-Balkar language]. *Journal of Endangered Languages*. 2021. Vol. 11. No. 18. Pp. 124–130. EDN: VPKHLT. (In Russian)

7. Dzhusoity N.G. *Balkarskie pesni* [Balkarian songs]. *Kniga druzey i nastavnikov: Literaturno-kriticheskie stat'i* [The Book of Friends and Mentors: Literary Critical Articles]. Vladikavkaz: Orion, 2011. Pp. 430–431. (In Russian)

8. Kuliev K.Sh. *Tak rastet i derevo: Stat'i, esse* [So grows the tree: Articles, essays]. M.: Sovetskiy pisatel', 1986. 336 p. (In Russian)

9. Kuliev K.Sh. *Pojet vseгда s lyud'mi: Stat'i, esse* [The poet is always with people: Articles, essays]. Moscow: Sovetskii pisatel', 1986. 336 p. (In Russian)

10. Berberov B.A. Nominal collection of Omar Otarov in the historical and cultural context of karachay-balkar song folklore. *News of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS*. 2023. No. 3(113). Pp. 68–82. DOI: 10.35330/1991-6639-2023-3-113-68-82. (In Russian)

11. Kuliev K.Sh. *Moi sosedi (Honshularym)* [My neighbours]. *Sobranie sochinenii v 3-h tomah (na balkarskom yazyke)*. Tom I. Nal'chik: Eel'brus, 1981. Pp. 79–90. (In Balk.)

12. Dzhusoity N.G. *Shagi ot fol'klora* [Steps from folklore]. *Kniga druzey i nastavnikov: Literaturno-kriticheskie stat'i* [The Book of Friends and Mentors: Literary Critical Articles]. Vladikavkaz: Orion, 2011. Pp. 102–118. (In Russian)

13. Kuliev K.Sh. *Salam, yertdenlik (Privet, utro)*. [Hello, morning]. Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1940. 304 p. (In Russian)

14. *Pesni narodov Severnogo Kavkaza* [Songs of the peoples of the North Caucasus]. *Vstupitel'naya stat'ya, sostavlenie i primechaniya K. Kulieva i N. Dzhusoity. Redaktsiya poleticheskikh perevodov G. Registana*. Leningrad: Sovetskii pisatel', 1976. 560 p. (In Russian)

15. Reineggs Jakob. *Obshhee istoriko-topograficheskoe opisanie Kavkaza* [General historical and topographical description of the Caucasus]. URL: <https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XVIII/1760-1780/Reineggs/text2.htm>. (In Russian)

16. Zhul'en N. *Slovar' simvolov. Illyustrirovanny spravochnik. Perevod s francuzskogo Stanislava Kayumova, Ilony Ust'yancevoy* [Dictionary of symbols. Illustrated reference book. Translation from French by Stanislav Kayumov, Iona Ustyantseva]. Chelyabinsk: Ural LTD, 1999. 512 p. (In Russian)

17. Adzhiev A.M. *Ustnoe narodnoe tvorchestvo kumykov* [Oral folklore of the Kumyks]. Mahachkala, 2005. 428 p. (In Russian)

Финансирование. Исследование проведено без спонсорской поддержки.

Funding. The study was performed without external funding.

Информация об авторе

Берберов Бурхан Абуюсуфович, д-р филол. наук, вед. науч. сотр., зав. сектором карачаево-балкарского фольклора, Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук;

360000, Россия, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18;

burhan_berberov@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5417-8144>, SPIN-код: 6335-7118

Information about the author

Burkhan A. Berberov, Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher, Head of the Karachay-Balkar Folklore Sector, Institute of Humanitarian Researches – branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the RAS;

360000, Russia, Nalchik, 18 Pushkin street;

burhan_berberov@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5417-8144>, SPIN-code: 6335-7118